
ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

СИТУАЦИЯ НА ТИБЕТЕ В 1950-Х ГГ.: ПОЛИТИКА МАО ЦЗЭДУНА И ДАЛАЙ ЛАМЫ

Чжун Жуй

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

В статье на основании документов и воспоминаний, а также с привлечением специальной литературы рассматривается важный момент в истории современного Китая: события в середине прошлого века, обусловившие ввод войск НОАК на Тибет, и мнения по этому поводу Председателя КНР Мао Цзэдуна и духовного лидера Тибета Далай ламы. Изучается ситуация на Тибете, действия руководства КНР и тибетских лидеров, причины, обусловившие бегство Далай ламы в Индию в 1959 г.

Ключевые слова: Тибет, Китай, Индия, Мао Цзэдун, Далай лама, Дж. Неру, НОАК.

15 августа 1947 г. доминион Британская Индия завершил свою историю, и на политической карте мира вместо одной Индии появились два государства – Индия и Пакистан. Несколько ранее того, в июле 1947 г., правительство Великобритании и временное правительство Республики Индия приняли решение, что все права и привилегии прежней британской администрации на Тибете переходят к правительству Индии (1).

Следует отметить, что решение по Тибету игнорировало очевидное обстоятельство: он традиционно находился в зоне влияния Китая, и Лхаса стала проводить относительно независимую политику лишь со времени падения династии Цин в 1911 г., когда в стране более трех десятилетий не было единой центральной власти (2). Следовательно, были все основания для того, чтобы вскоре после объявления о создании Китайской Народной Республики (КНР, 1 октября 1949 г.) новые китайские власти заявили о необходимости вернуть все отторгнувшиеся в ходе гражданской войны земли под управление центрального правительства.

Становление КНР шло в непростых условиях. КПК воспринималась многими в Китае как партия, выступающая с позиций крайнего атеизма и борьбы с любым инакомыслием. Как часто бывало в условиях перемен, религия стала восприниматься не только как наследие предков, но и как идентификационный показатель.

Нередкими были гонения на религиозные организации и верующих, многие монастыри были закрыты, монахи репрессированы либо возвращены в мир. Особенно тяжело подобного рода трансформации проходили среди населения национальных окраин, чей многовековой уклад был в значительной степени связан с религиозными представлениями, в частности среди представителей не-ханьских народов: тибетцев, монголов, уйгуров, хуэйцев и др.

Партийные лидеры уделяли Тибету большое внимание. Как отмечал Мао Цзэдун: «Хотя Тибет не имеет большого населения, его международное [стратегическое] положение является чрезвычайно важным. Поэтому мы должны занять его и превратить в демократический народный Тибет» (3). В начале января 1950 г. Мао Цзэдун писал из Москвы, что признание КНР правительствами таких стран, как Пакистан, Индия и Великобритания, создает благоприятные условия для направления на Тибет войск и возвращения его в лоно Родины.

Для переговоров с центральным правительством руководители Тибета направили высокопоставленных сановников В.Д. Шакабпу и Цечхага Тубтена Гьялпо, известных в своей стране политиков. Переговоры состоялись в Дели, но каких-либо результатов достигнуто не было.

В литературе обычно не заостряют внимание на период, когда армия Китая заняла Тибет. В частности, один из видных современных специалистов по истории Тибета Э. Сперлинг пишет: «Организация современного Китая эволюционировала частично в ответ на спорадическую необходимость; она приняла современную форму лишь спустя время после образования КНР» (4).

Между тем источники показывают, что Мао Цзэдун был уверен в необходимости вернуть Тибет в состав Китая как можно скорее. Он писал: «Если из-за географических и погодных условий мы не сможем войти в Тибет с середины мая до середины сентября 1950 г., то это должно быть перенесено на 1951 г.» (5). Было принято решение ускорить подготовку войск перед осенней распутицей, и уже в начале октября 1950 г. НОАК частями Юго-западного военного округа во главе с генералом Чжаном Гохуа стала продвигаться к Лхасе. 10 ноября 1950 г. была выпущена прокламация НОАК, где отмечалось: «Войдя в Тибет, НОАК будет защищать жизнь и имущество всех религиозных организаций и народа Тибета, защищать ламаистские монастыри и храмы, помогать тибетскому народу развивать его образование, сельское хозяйство, животноводство, промышленность и коммерцию, чтобы улучшить жизнь народа. Существующая политическая и военная система на Тибете не будут меняться» (6).

Мао уделял внимание и индийскому фактору, поскольку Индия также имела многовековые связи с Тибетом, основывавшиеся, прежде всего, на религии. Мао отмечал, что «в настоящее время Индия выступила с заявлением, где признала, что Тибет является частью китайской территории, но надеется, что вопрос может быть решен мирным, а не военным путем». Обращаясь к прошлому опыту, он указывал, что в колониальный период «Британия не позволяла тибетским делегациям приезжать в Пекин, теперь же это возможно».

Вместе с тем Мао отдавал должное военной стороне разрешения зарождающейся проблемы: если произойдут боестолкновения, то части НОАК смогут уничтожить основные силы тибетской армии и занять определенную территорию; в этом случае тибетская делегация, конечно, прибудет в Пекин для мирного разрешения проблемы путем переговоров. В таком повороте событий он видел шанс для руководства страны достичь целей, разрешая как минимум две задачи: во-первых, военные успехи НОАК подтолкнут тибетцев отправить делегацию в Пекин; во-вторых, появится возможность показать премьеру Дж. Неру приоритетность для руководства КНР путей мирного разрешения спорных моментов с тибетской администрацией, что также уменьшит его боязнь перед армией КНР (7). Очевидно, что для Мао был важен комплексный подход к разрешению вопроса с возвращением Тибета, и он с уважением относился к мнению индийской стороны.

В сложившихся обстоятельствах 17 ноября 1950 г. Национальная ассамблея Тибета передала всю полноту власти пятнадцатилетнему Далай ламе и посоветовала ему временно выехать из Лхасы. Далай лама отбыл в монастырь Донкар у индийской границы и перевез туда некоторое количество золота и серебра (8). Он понимал, что без международной поддержки Тибету будет тяжело противостоять давлению со стороны Пекина, и надеялся на поддержку со стороны ООН. Однако его надежды не сбылись; вопрос не был включен в повестку дня ООН. Далай лама писал, что «мы... были поражены, когда услышали, что вопрос был отложен по предложению Британии», с которой «у нас были очень дружеские отношения... на протяжении долгого времени» (9). События развивались так, как и предполагал Мао Цзэдун: тибетскому лидеру ничего не оставалось делать, как выслать новую делегацию во главе с Нгабо Нгаванг Жигме в Пекин, куда она прибыла в апреле 1951 г.

После трудных переговоров 23 мая 1951 г. тибетцами был подписан договор, известный как «Соглашение между Центральным народным правительством и автономным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета» (известный также как «Договор из 17 пунктов»).

Согласно первому пункту Соглашения Тибет возвращался в большую семью матери-родины – КНР. Вторая статья давала разрешение на присутствие на Тибете частей НОАК, согласно восьмой все подразделения тибетской армии должны были войти в состав НОАК. Четырнадцатая статья утверждала, что внешние сношения Тибета будут вестись только Пекином. Власти КНР гарантировали сохранение политической системы, положение и роль Далай

ламы и Панчен ламы. Тибет получал региональную автономию, все преобразования должны были происходить только после их утверждения высшими руководителями этого региона (10).

После согласования всех пунктов 9 сентября 1951 г. солдаты НОАК вошли в Лхасу.

Мао считал, что нет никакой необходимости ускорять события (в части реализации положений Соглашения) в регионе, где относительно долгое время не было центрального влияния. Он писал, что через несколько лет дела будут обстоять иным образом, когда Далай лама и верхушка тибетского общества не будут иметь иного выбора, кроме как выполнять соглашения в полном объеме. Мао допускал вероятность отдельных восстаний, бунтов среди тибетских военных, но чем вероятнее бунты, тем больше он видел возможностей для последующей реорганизации военной и иных систем Тибета. Китайский лидер сделал вывод: следует быть готовыми идти на уступки, выждать подходящие условия, чтобы подготовиться к наступлению в будущем и разом решить многие проблемы (11).

В последующие три года шло тесное взаимодействие китайской и тибетской сторон в части постепенных трансформаций существовавших на Тибете порядков и отношений. Уважение к фигуре Далай ламы проявилось и в том, что в 1954 г. он был приглашен в Пекин для участия в работе Национальной ассамблеи народов Китая, когда планировалось принять Конституцию.

По пути в Пекин, когда делегация проезжала через Синин, к нему присоединился Панчен лама, бывший на четыре года младше Далая. Мао был осведомлен о давнем соперничестве между Далай ламой, пребывающем в Лхасе, и Панчен ламой, чей монастырь находился в Шигацзе, что в 250 км западнее Лхасы. Вероятно, поэтому власти страны стремились получить сотрудничество и поддержку в первую очередь от Панчен ламы, чтобы тем самым придать духовную легитимность включению Тибета в состав нового Китая (12).

В Пекине Далай лама имел встречи с Председателем Мао Цзэдуном, вице-президентом Чжу Дэ и премьером Чжоу Эньлаем. Духовные лидеры тибетцев получили высокие должности – Далай лама был избран заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП, а Панчен лама – членом этого комитета. Далай имел возможность более полугода провести в путешествиях по Китаю, общаться с разными социальными группами, и он отмечал позитивные преобразования в Китае, выделяя недостатки (13).

Между тем центральное китайское правительство отпустило значительные средства для экономического подъема Тибета. Строились медицинские учреждения в Лхасе, Шигацзе, Чамдо, в 1953–1955 гг. на Тибете работало более 400 китайских врачей и медсестер, было подготовлено 170 тибетских медиков. Открывались светские школы (14).

Здесь надо отметить, что центральное правительство Китая понимало под Тибетом только ту часть, на которое признавало политическое влияние ру-

ководства из Лхасы. Следовательно, «политический Тибет» обычно соотносился с областью, которая была под управлением правительства в Лхасе, тогда как «этнографический Тибет» подразумевал под собой тибето-язычные районы в китайских провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, с севера и востока охватывающие тибетское плато (15).

1956 г. был насыщен различными политическими событиями: создан Подготовительный комитет Тибетского автономного района (ПКТАР, из 51 членов только пять были китайцами (16)), а Далай лама посетил Индию по приглашению премьер-министра этой страны Дж. Неру для участия в празднике дня рождения Будды. На встрече с Дж. Неру Далай выразил озабоченность ситуацией в восточном Тибете и сказал, что «хотел бы остаться в Индии до тех пор, пока мы не сможем получить свободу мирными средствами» (17). Можно сказать, что это фактически было первое обращение Далай ламы к индийскому руководству за политическим убежищем. По воспоминаниям Далай ламы, Дж. Неру заметил, что «никто никогда не признает независимость нашей страны... (т.е. Тибета. – Ч.Ж.). Он рекомендовал мне вернуться в Тибет и попытаться мирным путем добиться исполнения соглашения из 17 пунктов» (18).

Китайские власти понимали, что Далай лама может пожелать остаться в Индии и даже выступать против китайского присутствия на Тибете. Мао Цзэдун отмечал, что «мы никогда не будем инициировать наступление, и вместо этого дадим им самим возможность начать наступление. Затем мы перейдем в контрнаступление и безжалостно сокрушим тех, кто начал наступление» (19).

По воспоминаниям Далай ламы, Чжоу Энь-лай знал о его планах остаться в Индии, и уговаривал братьев тибетского лидера повлиять на его сомнения и вернуться на Тибет, поскольку «если я не вернусь, это может принести только вред мне и моему народу» (20).

1 апреля 1957 г. Далай лама вернулся в Лхасу.

Перед его возвращением в середине марта 1957 г. ЦК КПК принял «Замечания по решениям Рабочего комитета по Тибету по будущей работе в Тибете». В нем отмечались основные направления работы КПК с тибетцами: «во-первых, мы должны продолжать выполнять общую работу против верхушки, клики Далай ламы, в качестве основной цели. Во-вторых, мы должны и впредь обращать внимание на подбор и обучение тибетских кадров. В дополнение к подготовке некоторых на местах небольшое количество молодых людей может быть направлено на учебу вглубь страны. В-третьих, мы должны продолжать развивать экономические и культурные предприятия и учреждения, которые приветствуются массами, одобрены верхней прослойкой, работать должным образом, чтобы оказывать благоприятное воздействие на массы. В-четвертых, мы должны продолжать настаивать на том, что национальная оборона, иностранные дела и национальные дороги оборонительного значения должны быть помещены под контроль центрального правительства. В-пятых, мы должны использовать различные надлежащие сред-

ства для проведения патриотического воспитания в тибетской верхней прослойке и в массах, выступая против деятельности сепаратистов» (21).

Тем не менее, несмотря на постоянную работу с людьми и выделение немалых средств на развитие Тибета, ситуация как в Лхасе, так и в целом в Тибете выходила из-под контроля центральных властей. Тяжело продвигались в целом все реформы, что следовало объяснить, видимо, значительной консервативностью тибетского общества и отсутствием согласованных действий между китайскими и тибетскими властями. Кроме того, с первой половины 1956 г. в различных районах Тибета стали проявлять активность партизаны. В 1958 г. подпольными силами был создан союз «Тенсунг Дхангланг Магар» (Добровольческие силы для защиты Учения).

Мао Цзэдун отмечал, что восстание тибетцев, если оно случится, в целом облегчает задачу борьбы с враждебными элементами: «первоначально военные силы, подготовленные тибетскими правителями, были довольно слабыми, но сейчас они обладают повстанческими силами в 10000 человек, чей боевой дух относительно высок. Это опасный противник для нас. Но это не обязательно плохо, а скорее, может быть и к лучшему, потому что он позволяет нам решить проблему с помощью войны» (22).

Ситуация резко изменилась в начале марта 1959 г., когда Далай ламу пригласили на театрализованное представление в китайский военный лагерь, разбитый в трех километрах от Норбулингка, летнего дворца Далая. 10 марта, когда должно было состояться представление, толпы тибетцев окружили Норбулингку, чтобы не допустить выезда своего лидера в военный лагерь. В последующие дни Лхаса была охвачена беспорядками и волнениями (23). Вскоре произошло открытое столкновение между китайскими солдатами и демонстрантами. Далай лама принял решение бежать в Индию, что и случилось в ночь на 17 марта 1959 г. (24).

Как отмечалось выше, главы КНР в целом ожидали подобного развития событий. Мао Цзэдун отмечал позитивную сторону этого восстания – благодаря ему было бы легче провести реформы: «если ситуация будет развиваться в этом направлении, не исключено, что тибетский вопрос может быть принудительно (а если принудительно, то это было бы очень хорошо) разрешен в более раннее время» (25). Более того – Мао, осведомленный о выражавшемся Далай ламой желании остаться в Индии, не исключал возможности бегства туда руководителей Тибета. Он указывал: «Если Далай лама и его окружение побегут [из столицы Тибета], то нашим войскам не следует пытаться остановить их. Пусть даже [тибетцы] направляются в южный Тибет и в Индию, их следует просто отпустить» (26).

Тем не менее, исходя из понимания текущей политической ситуации Мао считал важным указать, что Далай ламе следует выполнять Соглашение из семнадцати пунктов, реализовывать обещания, которые он сделал в прошлом, и поддерживать отношения с центральным правительством. Если Далай ла-

ма не сможет следовать любому из этих положений, то «тибетский народ будет ущемлен и в конечном итоге покинут людьми» (27).

Политбюро ЦК КПК обращало особое внимание на поддержание мира и порядка в Лхасе, на предупреждение беспорядков. Как видно из упоминаемых нами источников, руководство КПК и КНР предполагало различные варианты событий, даже бегство Далай ламы, но расценивало это возможное событие как повод для углубления реформ. Допускалось также, что специально задерживать Далай ламу не стоит.

Таким образом, использование армией артиллерии против демонстрантов в Лхасе утром 17 марта было осуществлено без ведома и разрешения высшего китайского руководства. Как отмечается в издании «Важные события истории КПК на Тибете, 1949–1994 гг.», это было личным решением младшего офицера Жэнь Хуэйшена, который все последние дни находился в стрессовом состоянии из-за сложной ситуации в городе (28). И только 19 марта коммунистическим органам Тибета стало известно, что Далай лама бежал ночью 17 марта.

После бегства Далай ламы ситуация на Тибете стала резко осложняться. Тибетские повстанцы обосновались в Мустанге (регион в Непале, где традиционно проживали тибетские народности), они получали военную и иную помощь также от правительства Индии. США использовали возможности ЦРУ по доставке вооружений и боеприпасов в партизанские лагеря, тренировали тибетцев в своих лагерях в Колорадо. Вооруженная поддержка США прекратилась в 1969 г., окончательно вся операция по поддержке сил сопротивления была свернута лишь в 1974 г. (29).

21 марта ЦК КПК издал документ «Решения по некоторым вопросам политики в осуществлении демократических реформ в Тибете путем подавления восстания». В нем отмечалось, что в сложившихся условиях преобразования должны исходить из понимания локальной специфики, уважения к традициям, но вместе с тем придерживаясь партийной линии на демократизацию общества (30).

28 марта было опубликовано Постановление Государственного совета КНР о роспуске правительства Тибета. В ответ на следующий день Далай лама и его окружение создали новое правительство, чья «формальная инаугурация прошла в дзонге Лхунцзе» (31). В своих воспоминаниях Далай лама описывает маршрут бегства и отмечает, что последним пунктом был Ман-Манг, находившийся рядом с местечком под названием Таванг.

Всего в Индию из Тибета в 1959 г. бежало около 80 тыс. чел. (32).

На индийской территории беженцев встречали журналисты и региональные индийские официальные лица. Далай ламе передали телеграмму от Дж. Неру: «Мои коллеги и я приветствуем Вас и посылаем наши поздравления по случаю Вашего благополучного прибытия в Индию. Мы будем счастливы предоставить необходимые средства и удобства для Вас, Вашей семьи и свиты, необходимые для пребывания в Индии. Народ Индии, который

Вас так почитает, без сомнения, сохранит традиционное уважение к Вашей личности. Добро пожаловать» (33). С этого времени начался новый этап развития отношений как между Далаем и центральным правительством Китая, так и между КНР и Индией.

Фигура Далай ламы играла большую роль в истории как самого Тибета, так и соседних регионов, фактически Далай был духовным наставником для лидеров соседних с Тибетом народов. Между императорами Китая и Далай ламой традиционно существовали отношения «наставник – милостынедатель», которые в том числе подразумевали известную степень подчинения Лхасы Пекину. Далай ламы и их представители неоднократно бывали в столице империи, когда в ходе переговоров уточнялись позиции и определялась совместная политика в разрешении разных вопросов и ситуаций.

С началом нового этапа в истории Китая руководители КПК и правительства пытались вернуть Тибет в состав КНР, опираясь прежде всего на фигуру Далая, его значимую роль как в истории Тибета, так и в контексте китайско-тибетских отношений. Мао Цзэдун и его окружение искали возможные пути и сферы совместных интересов с тибетским лидером, при этом их политика исходила из понимания того обстоятельства, что Тибет с давних времен имел особые отношения с Китаем.

Между тем политика Далай ламы в 50-е гг. прошлого века в отношении Пекина определялась не столько реминисценциями прошлых обстоятельств, сколько контекстом всех тех бурных событий, которые охватили Тибет наряду с другими частями страны. Известное влияние на него оказали и ближайшее окружение, стремившееся сохранить достигнутую независимость, и общая нестабильность ситуации в Лхасе в связи с присутствием войск.

При изучении современной ситуации на Тибете следует исходить из того объективного обстоятельства, что обретение им независимости в начале прошлого века случилось на основании процессов, охвативших в то время весь Китай: кризис Цинской династии, революция и гражданская война, японская оккупация. Председатель Мао Цзэдун проводил в отношении Тибета политику по нескольким основным направлениям: военное подчинение; вовлечение рядовых тибетцев в преобразования; реформирование административного руководства регионом; уделялось внимание всем тибетским правителям, особенно Далай ламе и Панчен ламе; получение зарубежной поддержки. Ввод частей НОАК на Тибет в 1949 г. имел, кроме позитивных, также определенные негативные последствия, в частности бегство Далай ламы в Индию в 1959 г. и ухудшение отношений между Китаем и Индией, что оказало свое воздействие на возникновение пограничной войны 1962 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Wei Ling Leng zhan hou zhong yin guan xi yan jiu* [Вэй Лин. Исследование китайско-индийских отношений после холодной войны]. – Пекин: Zhong guo zheng fa da xue chu ban she, 2008. – P. 21. Об особом значении Тибета для Индии см.: Tibet and In-

- dia's Security: Himalayan Region, Refugees and Sino-Indian Relations. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2012.
- (2) *Fan Ming xing* Qing mo min chu zhong ying (yin) guan xi zhong de xi zang wen ti --- Qing mo min chu zhong guo zheng fu wei hu xi zang zhu quan de nu li // Nan ya yan jiu ji kan [*Фань Минсин*. Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отношениях в конце династии Цин и начале республики Китай – Усилия китайского правительства по сохранению суверенитета над Тибетом в конце династии Цин и начале республики Китай // *Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии*]. – Чэнгду: Si chuan da xue nan ya yan jiu suo, 2011. – IV квартал. – P. 90–99.
 - (3) *Jianguo yilai* Mao Zedong wengao [*Записки Мао Цзэдуна со времени основания Народной Республики*]. – Пекин: Zhongyang wenxian, 1987. – Vol. 1. – P. 208.
 - (4) *Sperling E.* The Tibet-China Conflict: History and Polemics. – Washington: East-West Center, 2004. – P. 8.
 - (5) *Jianguo yilai*... – P. 208.
 - (6) *Кузьмин С.Л.* Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. – СПб., 2010. – С. 179.
 - (7) *Jianguo yilai*... – P. 475–477.
 - (8) *Далай лама*. Моя страна и мой народ. – М., 2000. – С. 84–85.
 - (9) Там же. – С. 85.
 - (10) Там же. – С. 88–89; *Цепон В.Д. Шакабна*. Тибет. Политическая история. – СПб., 2003. – С. 318–323. Полный текст соглашения приводит в своей книге С.Л. Кузьмин: *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. – С. 186–189. Современную точку зрения правительства Далай ламы на соглашение см.: Facts about the 17 point agreement between Tibet and China. – DIIR Publications, 2001.
 - (11) *Mao Zedong xizang gongzuo wenxuan* [*Избранные работы Мао Цзэдуна по тибетским делам*]. – Пекин: Zhongyang wenxian and Zhongguo zangxue, 2001. – P. 63–64.
 - (12) *Jianguo yilai*... – P. 450.
 - (13) *Далай лама*. Указ. соч. – С. 120–121.
 - (14) *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. – С. 208.
 - (15) *Melvyn C. Goldstein* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet and the Dalai Lama. – Berkeley: University of California Press, 1997. – P. X–XI.
 - (16) *Далай лама*. Указ. соч. – С. 123.
 - (17) Там же. – С. 150.
 - (18) Там же. – С. 150.
 - (19) *Dangdai zhongguo de Xizang* [*Современный китайский Тибет*]. Т. 1. – Пекин: Zhongguo shehui kexue, 1991. – P. 43.
 - (20) *Далай лама*. Указ. соч. – С.152.
 - (21) *Dangdai zhongguo*... – P. 232.
 - (22) *Mao Zedong Xizang*... – P. 164.
 - (23) *Богословский В.А.* Тибетский район КНР. – М., 1978. – С. 79–87.
 - (24) *Shakya Ts.* The Dragon in the Lands of Snow: A History of Modern Tibet Since 1947. – London, 1999. – P. 185–211.
 - (25) *Dangdai zhongguo*... – P. 253.
 - (26) *Zhonggong Xizang dangshi dashi ji, 1949–1994* [*Важные события истории КПК на Тибете, 1949–1994*]. – Лхаса: Xizang renmin, 1995. – P. 91.
 - (27) *Mao Zedong Xizang*... – P. 165.
 - (28) *Zhonggong Xizang*... – P. 93.

- (29) *Carole McGranahan*. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. – Duke University Press, 2010. – P. 9. Более подробно об американской помощи см.: *Кузьмин С.Л.* *Скрытый Тибет...* – С. 248–250.
- (30) *Zhonggong Xizang...* – P. 96–97.
- (31) *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. – С. 245.
- (32) *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. – С. 246. В настоящее время там проживает более 120 тыс. беженцев. См.: *Wei Ling*. *Leng zhan hou zhong yin guan xi yan jiu* [*Вэй Лин.* Исследование китайско-индийских отношений после холодной войны]. – Пекин: Zhong guo zheng fa da xue chu ban she. 2008. – P. 198.
- (33) *Далай лама.* Указ. соч. – С. 220.

THE SITUATION IN TIBET IN THE 1950S: POLICY OF MAO ZEDONG AND THE DALAI LAMA

Zhong Rui

Department of World History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay Str., 10, Moscow, Russia, 117198

In the article on the basis of documents and memoirs, as well as using the literature, which deals with an important moment in the history of modern China, the author studies the events in the middle of the last century that led to the PLA troops entering Tibet, and opinions of PRC Chairman Mao Zedong and the Tibetan spiritual leader the Dalai Lama. There also are studied the situation in Tibet, the actions of the Chinese and Tibetan leaders, the reasons for the flight of the Dalai Lama to India in 1959.

Key words: Tibet, China, India, Mao Zedong, the Dalai Lama, Nehru, PLA.